

Анна Ратина
И взаимно притом

Анна Ратина

И взаимно притом

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613281
ISBN 9785448577611*

Аннотация

Эта книга – сборник записей обо мне, моей семье и моем сыне, которые я делала в течение почти 12 лет. «Сборник» – не совсем точно; скорее – коллаж, лента реплик, сюжетов, впечатлений. Мне, кажется, удалось сохранить и передать самое важное для меня – увы, я часто теряю его за сиюминутным – то, как сильно я люблю тех, кто рядом со мной, какой они близкий, но отдельный, бесконечно сложный и бесконечно радостный мир. Надеюсь, удастся поделиться этим с теми, кто будет читать книгу.

Содержание

Семейный портрет	7
Д	10
АС	11
ТС	13
Мабушка	14
Другая жизнь	18
Надо сохраниться	33
С кем купить ракету	41
Сяся Пуськин	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

И взаимно притом

Анна Ратина

© Анна Ратина, 2026

ISBN 978-5-4485-7761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У нас с мамой дома был одиночный том из собрания сочинений Леонида Пантелева. Не рассказы и не ШКИДа, а повесть «Наша Маша». Я в первый раз прочла ее очень рано, когда сама была близка по возрасту к героине, дочке писателя Маше Пантелеевой. Потом часто перечитывала, мама тоже, и какие-то словечки оттуда даже вошли в нашу семейную речь: мамсичек, босикомые... Что-то было непонятно (зачем им домработница? почему Маша не ходит в детсад?), что-то раздражало, но вдумчивый интерес родителей к дочке, к ее слову, настроению, душевному порыву вызывал уважение. Этим интересом книга была наполнена, он передавался. И нравилось: девочка уже выросла (об ее непростой судьбе я узнала сильно позже), но и она-маленькая – вот, в тетрадях, блокнотах, потом на страницах книжки. Хорошая привычка – записывать за ребенком, думала я.

Ко мне не пристаю́т хоро́шие привычки, не пристала бы и эта, если бы не Живой Журнал, который стал моим бло́кнотом для записей о сыне. Появились читатели – помощь моему честолюбию, а значит, и старанию.

Сын неплохо заговорил в два с половиной года, я прилежно записывала. Хорошо помню одну из первых записей, про то, как он пересказывал мне «Репку».

– И позвала косяка мисику.

Долгая пауза.

– Так мышка пришла – и что?

Трагично и серьезно:

– Мисика не пишила...

– Почему?!

– Она была дугом месьте...

Я потрясена:

– В каком другом?

– Ду-гом. Она тям бизяла... хостиком махнула... ящико упаё и язбиось...

Так вот, я записывала, и какие-то его словечки тоже вошли в нашу и наших знакомых речь: высшей оценкой чего-либо стало слово «кьясота» (произносить с придыханием, протяжно), худшей – «безобьязие» (сдвинуть брови), толстых голубей вся наша семья называла вслед за ним «кунякáми». Я с грустью ждала финала, предсказанного Чуковским –

от двух до пяти! до пяти! – но сыну исполнилось и пять, и шесть, а записей появлялось все больше.

Сейчас, когда я наконец собрала все, что писала о сыне, о себе и о нас почти двенадцать лет подряд, ему исполнилось 14. К рассказам о своем детстве он относится с некоторым раздражением, называя то время «возрастом неразумства». Наверное, я немного опоздала с этой книгой, но все же – с согласия сына, разумеется, – рискую ее напечатать. Я с самого начала старалась быть в своих записях немного отстраненной. Это не фотография, не хроника, не документ; скорее – набросок. Силуэт, деталь – готово. Похоже? Он? Мы? Похоже, он, мы. Но не весь он и не вся наша жизнь.

Семейный портрет

4 года

Долго-долго корпел над мозаикой. Сложил. Прислонил получившееся к шкафу, отошел, посмотрел. Подумал. Объявил:

– Семейный пайтьет!

Спрашиваю – а где тут я? папа?

– Вас тут нет.

– А кто же есть?

– Паовоз. С фонаём. И солнце. Оно пьотянуло лучик паовозу, а паовоз светит фонаём на солнце. Къясота.

Федором звали моего деда. Я была его младшей и любимой внучкой. Любовь он выражал так: терпел. Суровый был человек, жизнь его сильно обижала. Когда я родилась, ему было 69 – по-нынешнему «всего», но у него позади была война, ранение, контузия, тюрьма, водка, гибель старшего сына. Он здорово устал к своим 69-ти. Вряд ли ему хотелось все летние дни (я была приезжей, летней внучкой) смотреть за ребенком, пусть и послушным. Но он терпел. Брал меня на огород, за грибами. Ждал, пока я плескалась в речке. Переживал из-за моих синяков и порезов. Он умер, когда мне было 14. Почему-то я сразу решила назвать сына, если он у меня появится, Федором. Благодарность? Чувство вины?

Вряд ли; просто захотелось.

3 года

Когда шкет бесится, его зовут не Федя, а Кунделёвский. А меня, когда он бесится, зовут Тяпочкин. Так повелось. Поэтому, когда он несется на меня и хищно кричит: «Тяпочкин!» – это значит, что мы будем беситься. И я в ответ кричу: «Кунделёвский!!! где твое пузо?! – я съем его с кетчупом!!!»

Беситься у него называется – щучиться. «Я тебя сейчас буду щучить!!!»

А я ему сказала: «Что ты орешь как маленький? ведь такой уже огромный пузёц!» На что он ответил, что он не пузец, а спинёц. Потом разошелся и сказал, что он: носец, ушеч, глазеч, ручеч, лобеч и пр.

Кунделёвский – спинёц.

7 лет

Появился у него свой телефон. Во всех наших телефонах он записан как ФЕДЯ. Вот звонок, у меня на экране – ФЕДЯ, я отвечаю, говорю: «Федька, привет!», а он:

– Здравствуй, мама. – (пауза – и, чтоб уж наверняка) – Это я, Федя.

3 года

Вечером, после ванны, сидит в пижаме, розовый, чистенький. Смотрит на меня добрыми глазами:

– Ну, сьто? Я Федя. А ты думала – кто?

– Кто?

– Ты думала – агнеёчек? (*ангелочек*)

Сначала в записях я называла сына – а за мной и все – шкет. Прижилось. Отпраздновали пятилетие и увидели, как он вырос (эта августовская стрижка, которая открывает незагоревший лоб – такой вдруг большой и упрямый, – шею, тоже вдруг длинную и худую, уши...).

Я стала просто, как в смс маме и друзьям, писать первую букву имени, Ф. В записях сократились и все остальные: муж, Денис, вначале уважительно именовавшийся «мужем и отцом», стал Д. Великолепный мой свекор, чье имя и вслух долго выговаривать – Александр Савватиевич – АС. Татьяна Сергеевна, свекровь – ТС. Сравнительное разнообразие досталось моей маме, Надежде Федоровне: маленький Ф от ее несчастных приездов впадал в ажитацию, путался и вызывал к жизни то бабушку, то баму.

Д

Ф перестал спать днем в саду (что жаль, конечно, со сном он гораздо спокойнее). Рассказываю об этом Д. Он, ностальгически:

– А я тоже в саду не спал. Меня даже за это наказывали. В угол ставили.

– В угол ставили, чтоб спал?

– Зря смеешься! Я, спасибо углу, единственный из всей группы видел стыковку «Союза» и «Апполона». Я в воспитательской в углу стоял, а у них телевизор был включен. Новости. Вот и увидел!

Стоит носом в угол мальчик в шортах и краем глаза смотрит новости. А там стыковка космических кораблей. А телевизор черно-белый. Эпоха.

АС

Для родителей мужа Ф – единственный, поздний и долгожданный внук. И если бабушка просто очень его любит, то дед видит в нем наследника, преемника и продолжателя. Во всем.

Говорит:

– У меня первая группа крови, у Татьяны – не знаю, какая, у Дениса – первая, как у меня. Интересно, какая у Феденьки. Известно уже?

Я:

– Известно, конечно. Вторая.

АС, помолчав немного, с искренним сожалением:

– Жаль...

* * *

По телевизору – концерт к юбилею Юрия Визбора, 80 лет. Одногодок АС, они учились в одной школе, только АС классом младше. Спрашиваю – а вы его помните? АС, задрал нос:

– Так, смутно. Мы не общались с той параллелью. У меня своя компания была... мотоциклы, потом чувихи...

Однако же напевает «Солнышко лесное». После слов «Где, в каких краях встретимся с тобою» с характерной мимикой добавляет: «Если, разумеется, у меня будет желание».

* * *

Ф нашел старый фотоальбом АС.

Наш дед – большой педант. У него все фотографии подписаны: год, место, спутники, фон. Если фоном машина – то ее модель, год выпуска. Есть фото из армии, где он в радиорубке, с телефоном в руках; подпись – «Ратин с телефоном модели такой-то».

(Себя, кстати, подписывает исключительно в третьем лице.)

И вот фото 1958 года. До знакомства со свекровью еще, значит. Молодой АС (красавец!) на мотоцикле в окружении каких-то девиц.

И подпись: «Ратин и другие».

ТС

Федор в очередной раз свалился с табуретки, знатно приложился головой – и ничего, отряхнулся и пошел. Мы с ТС рассуждали после этого, как же Бог детей хранит, держит за уши во время опасных их игр, прыжков и затей. И ТС вспомнила.

Она родилась в сорок втором, отец погиб. Таких детей после войны по соседству был целый двор – даже четыре двора: стояли рядом четыре двухэтажных дома на Соколе, полно ребятни разного возраста. Весь день на улице, играли в войну – рядом были картофельные поля, там они рыли окопы. Еще в партизанов играли. Однажды «фрицы» во время игры поймали «поджигателя», мальчика Леньку. Сделали ему табличку «Поджигатель», накиннули веревку на шею и повели вешать – все как в кинохронике, которой уж они-то пересмотрели немало.

ТС: «Знаешь, я уверена: не останови нас взрослые – повесили бы натурально». Спрашиваю: а Ленька-то сам чего? отбивался? боялся? ТС, буднично: «Нет, мы серьезно играли, он шел геройски, не дрожал».

Мабушка

Мама родилась и выросла в деревне Курганской области. Ее родители были школьными учителями. А ее мама, то есть, моя бабушка, Анна Матвеевна, еще и директорствовала. Она единственная из всех женщин в деревне носила туфли на каблуке. Улицы немощеные, пыльные, каблуки оставляли следы-точки. Люди говорили: «О, Аннушка пробегала».

* * *

Мама бабушки, моя прабабушка, семь лет перед смертью лежала, была парализована ниже пояса. Раз шестилетнюю маму оставили с нею дома и сказали никуда не ходить – вдруг что-то понадобится бабушке. Было лето, жара, мама хотела гулять. Бабушка ей – Надя, нельзя, отец же сказал. А Надя – а уйду, ты ведь не встанешь, что ты можешь сделать?

Мама рассказывает и сокрушенно добавляет: «Еще танцевала перед ее кроватью и фигурки ей показывала».

Я охаю: и ушла? – Убежала! – А потом? – Отец вечером выпорол.

* * *

А напротив их дома, через поляну, стояла церковь, тогда служившая зернохранилищем.

(Надо видеть, как мама рассказывает о ночных – чтоб испугаться как следует – походах в церковь: «Купол большой, а в куполе Бог вот так – взмахивает широко руками, – а в пупе у него крюк, а на нем веревка. Мы на ней раскачивались».)

Однажды ночью церковь загорелась от молнии. Огонь мог легко перекинуться на дома. Сказали: будь готова, может, придется выбегать, собери самое ценное. Мама надела школьную форму, пионерский галстук, два фартука – белый и черный, два пальто – демисезонное и зимнее, взяла портфель с книжками и коту Ваську.

Пожар потушили, выбегать не пришлось, мама так и уснула в двух пальто.

Вот они, мои.

Ф похож на всех и не похож ни на кого.

Вот насупится, сведет брови – вылитый папа и дед. Кажется, что сейчас заложит руки за спину и скажет: «Как показывает опыт...» или «История этой вещи такова...»

Вот рассмеется – такую же сияющую улыбку я иногда вижу у мамы.

А когда он мрачно скандалит за три часа до запланированного выхода из дома – ничего не готово! мы опоздаем на самолет! – я вспоминаю его прадеда, Федора Ан-

дриановича. В день любого отъезда он брился с раннего утра, за те же три часа до запланированного выхода надевал светло-серый пиджак с орденскими колодками, садился на скрипящий стул у двери, клал парадную – в сеточку – шляпу на колени и начинал ждать, неодобрительным и тяжёлым взглядом наблюдая за нашими сборами...

3 года

Все двери в квартире – в щербинах и вмятинах: Федор, находясь в дурном настроении, стучит по ним разными своими игрушками (чаще всего – молотком).

Бабушка Надежда Федоровна, наблюдая за внуком: «Вылитый прадед. Ну, отец. Тот тоже... гардину повесить пытался как-то. Так всем досталось – гардине, что кривая, строителям, что стену косо положили, маме, что зачем-то хочет штору вешать, мне, что стремянку не так держу...»

И, обращаясь ко мне, невозмутимо: «Кто предупрежден – тот вооружен».

2,5 года

АС часто говорит Федьке: «А вот твой прадедушка Савва так никогда не поступал» или «Это чашка еще твоей прапрабабушки Кати». Предки присутствуют постоянно, хоть и незримо.

И вот Федька недавно ходил с камнем и выдавал его за пирог: «Я испек пиог! Йот такой. Кусный очень». Но никто

на пирог не обращал внимания, и шкет решил придать ему веса: «Нет! это ни я. Это ищё мой пъя-пъядедушка испек этот пиог...»

Другая жизнь

Я, как и все молодые мамы с первым ребенком, вела дневничок – вес, рост, прикорм, достижения. Долго упрашивала Д написать туда тоже хоть что-то – сын, мол, растет, а где тут ты? Он отнекивался: не умею, почерк плохой. Потом сдался. Посидел, попытал, вернул мне дневник, выражение на лице имея неопишное.

В дневничке стремительным корявым врачевным почерком было написано следующее:

«Федяшка стал заметно активнее. Легко встает на колени и на руки, опираясь при этом на кисти и лучезапястные суставы. Можно отметить заметное улучшение чувства равновесия, так как точки опоры при таком положении не выходят за площадь туловища. Мальчик свободно и активно раскачивается в этом положении в направлении вперед-назад. Присутствуют некоторые попытки ползания, за счет скоординированного движения ног, без участия рук» и т. п.

Блокнот с дневничком и записью Д никуда не делся, стоит на полке; как же долго живет и бумага, и разная другая чепуха, ерунда. Как странно прочно это непрочное, выныривающее то тут, то там, и напоминающее, напоминающее.

5 лет

Ф осмысливает родственные связи. Требуется рассказать, что было, когда я и папа были маленькими. «Вспоминает», что было, когда он сам был маленьким и даже что было до того, как он был маленьким.

– ...и вот папа выучился и стал врачом.

– А потом?

– Начал работать.

– А потом? Встѣтил тебя?

– Ну да.

– А потом?

– Мы поженились.

– А потом? А потом?

Я задумываюсь: что отвечать, как формулировать – что вообще ему интересно?

– Мама, а потом? – и тут же шепотом подсказывает, – Ну, говори: суп с котом!

6 лет

– А как вы с папой познакомились? Он тебя увидел – и что? сразу полюбил?

– Ну, говорит, что сразу...

Ф, деловито:

– В обморок упал?

3 года

Денис рассказывает Федору сказку про трех поросят. Я

подслушиваю:

– И волк упал прямо в огонь! И был у него, у бедного, ожог второй – (задумчиво) – а может, и третьей степени...

А потом «Дюймовочка»:

– Голосок у Дюймовочки был нежный-нежный. А потому что, Феденька, у нее были коротенькие голосовые связки...

4 года

Сидим в кафе. Вдруг Ф, бросив вилку, срывается с места и припадает щекой и ухом к отцовской груди. Я умиляюсь – какой любящий сын.

Ф, скосив глаз, поясняет:

– Слушаю, как еда идет по папиному пищеводу.

6 лет

Ф, побывав в отделении у Д и насмотревшись на его работу, печатал на компьютере «историю болезни»:

«В ЖЫЛУТКЕ ПРОИСХДИТ ШТОТО НИТАК И ТОГДА БОЛЕЗЬНЬ РОЗНОСИЦА ПОФСИМУ ОРГОНИЗМУ».

А еще рисовал схемы. Елочка с красным шариком – это «БОЛЕЗЬНЬ В РЕБРАХ» (елочка – ребра, а красное – болезнь). Еще: «ЗАБАЛЕВАНЬЯ Ф ПРЕМОЙ КЕШКЕ» (труба, изогнутая под прямым углом – прямая кишка. С красным же в ней заболеванием).

* * *

Я неважно себя чувствовала, и Ф меня лечил: щипал хирургическим пинцетом, светил фонариком в глаза и уши. Потом написал диагноз: «ПОВРЕЖДЕНИЯ СОСУДОВ В ЖИВАТЕ И СОСУДОВ НОСА. ЧУЧУТЬ».

* * *

Спрашивает, что такое Царствие Небесное. Объясняю, как могу.

– А там кто?

– Не знаю, откуда мы можем знать.

– Пушкин – там?

– Вот Пушкин – там. Думаю.

– Там, там. А Лермонтов?

– Не знаю, Федь.

– И Лермонтов там.

– Хорошо, там.

– А Николаевич... Лев Николаевич Толстой?

– Не знаю, честное слово.

– Там!

Уходит. Возвращается:

– И Кутузов там.

Снова уходит. И снова возвращается:

– И Багратион. А еще?

3 года

Шкетович буйнит. Кричит басом, скандалит, пытается драться. «Всё, я тебя обидил! Всё!» – тут же изумленно ахает – «Как же я тепей буду зить?..»

А ничего, живет. Просит прощения, потом все заново.

Веселее всего, когда он принимается ругаться с Д. Характеры у них похожи, оба упрямые. Что будет лет так через десять?..

4 года

Играет, потом вдруг замирает:

– Знаишь? я так люблю папу, што даже глаза закыть не могу!

Иногда я плачу из-за воображаемых вещей. Из-за того, что еще не случилось, а может, и не случится. Чаще всего тогда, когда представляю свадьбу. Ведь будет когда-нибудь у Федора свадьба? Вдруг она будет большая, семейная? А я окажусь там без тебя. Ты не увидишь сына взрослого, красивого, торжественного, начинающего что-то новое – Бог весть, какое. Не пожелаешь ему, чтобы это новое получилось. Я буду без тебя.

Мы были обычной благополучной семьей: желанный ребенок, любимая работа, помощь бабушек и дедушки. После того, как пришла болезнь, мы стали крепкой семьей. Я пред-

ставляла: ты будто бы боксер, а я жду тебя в углу, с мокрым полотенцем и ободряющим словом. Если проиграем – то вместе.

Легко не было – но как часто в награду доставались моменты счастья, острого, до боли в груди, до перехвата дыхания. Мне доставались точно.

Вот ты говоришь о диагнозе. Я помню, где сидел ты, где стояла я, какое на мне было платье. Ты говоришь: «До Федькиных десяти лет дотянуть хотя бы». И большие мы об этом не заговариваем. Федору еще нет четырех.

Вот мы долго гуляем под летним дождем в окрестностях Гематологического центра – тебе разрешают. У тебя с собой в рюкзаке пластиковая бутылка, потому что нужно собирать анализ – суточная моча. Нам ужасно смешно от этого.

Вот у тебя уже нет волос, бровей и ресниц. Но ты встречаешь меня у входа. В палате тебя вдруг начинает тошнить, и ты страшно кричишь на меня – вон, немедленно пошла вон!

Вот мы выходим из Гемцентра, раздарив врачам и сестрам тонну цветов. Весна. Ремиссия. Мы счастливые и глупые.

Вот возвращаемся через полгода. Сверххранний рецидив, смотрите, в этом случае кривая выживаемости – резко вниз. Я киваю словам врача.

Вот аутотрансплантация, санация костного мозга,

стерильность, тебе очень больно, а мне всего лишь жарко в халате, шапочке и маске.

Вот ты, снова победив, уходишь – и я рядом, – но на этот раз тихо. Доктора улыбаются и не верят.

Вот контрольное обследование, ты у врача, я замираю под дверью кабинета. Чисто! И еще одно! И еще! Все говорят – феномен!

Вот у тебя непонятная температура.

Вот ты теряешь половину веса.

Вот твои глаза голубые, как у младенца, на улице страшное лето 2010-го года, такую жару не перенести и здоровому, мне говорят – готовьтесь.

Вот снова ты всех удивляешь, снова ты чудо, снова ты выжил – но почему все с такой жалостью смотрят на нас?

Вот ты не помнишь, какой год, вот ты перестаешь вставать, вот ты говоришь только мое имя – оно короткое, ты просто стонешь его.

Вот снова Гемцентр. Как я устала, если бы ты знал, как я устала – говорю я, упершись головой в бортик твоей кровати. Ты молчишь. Ты уже не произносишь даже моего имени. А я не знаю, что осталось полдня.

Федору семь лет и восемь месяцев.

...Сидим с Д в его больничной палате, молчим, смотрим на голубей за окном – он им на подоконник хлебные крошки выкладывает, приманивает. Голуби цокают коготками по же-

сти. Муж вдруг говорит:

– Какая кьясотааа, как сказал бы Федя, – и, помолчав, добавляет, – Вот ты все дергаешься, что он букв не знает, цифр. Зато он видит, где кьясота...

5 лет

Очень выразительные у Ф брови; вернее, места для будущих бровей.

Утром вот:

– Федь, доешь кашу.

Хмурится изо всех сил, сурово глядит:

– Нет! Ни-за-што! – подумав, добавляет. – Ни в комим случаях! Я не люблю кашу!!!

Я:

– А я не люблю, когда ты так орешь!

– А я не люблю кашу!

– А я не люблю, когда ты орешь!

Решаю как-то сойти с этого круга. Обращаюсь к Д:

– А ты чего не любишь, скажи нам.

Д, не отрывая глаз от Евроньюса по телевизору, продолжая есть кашу, буднично:

– Я? я не люблю холодного цинизма.

6 лет

Ф бегал по квартире со своим глобусом. Я говорю – поставь, уронишь же, да поставь уже поскорее! Он не поставил.

И разумеется, уронил. И глобус откололся от подставки. Теперь подставка отдельно, полукруглая такая штука отдельно, шарик отдельно. Прогнала Ф подальше, чтоб не покусать, а потом, остыв, говорю Д мирно:

– Знаешь, у меня в начальной школе тоже был глобус, и я тоже его уронила, и он тоже точно так же сломался.

Д хмыкает:

– Странно. И у меня тоже был точно такой же глобус. И вот он – так не сломался.

* * *

Гостили у бабушки, Ф увидел по телевизору рекламу – журнал про тело человека, к каждому номеру прилагается кость. В итоге надо собрать скелет. В первом номере – череп с зубами.

Позвонили Д, попросили купить журнал. Приехали – лежит журнальчик! Ф вопил радостно, крутя череп в руках: «Не врала, не врала реклама!»

Д сразу принялся нас просвещать: надо знать латинские названия! череп по-латински – так-то, зубы – так-то, нижняя челюсть – так-то.

Через часок решил устроить проверку: как, спрашивает, называется череп?

Мы с Ф молчим.

Д, укоризненно:

– Краниум. Ну что же вы. А нижняя челюсть?

Я роюсь в памяти и лихорадочно выкрикиваю:

– Мандибуля!

Д с сарказмом:

– Правильно! И я не сомневался, что это ты запомнишь.

На следующее утро спрашиваю Ф: ты помнишь, что папа говорил, как там латинское название черепа?

– Нет.

– К...

– К.

– Ну? Кра... кра...

– Н?

3 года

Д подстригает шкету ногти на руках:

– Этот палец как называется?

– Мизиниц!

– Правильно. А этот?

– ... не знаю.

– Ну, бе... без...

– Безобъязный!

* * *

Сижу, шью из флиса мышку – шкету для развивающих занятий и игрушечная мягкая мышка понадобилась. Подходит

муж: «Каким швом шьешь?» – «Петельным» – «Лучше вот так...» Показывает. Действительно, шов простой и аккуратный.

Муж, удаляясь: «Называется – кишечный».

5 лет

Записи Ф из жизни «папы и д'ругих хирульгов»: «операция под моркозом».

3 года

Если раньше он все и всех делил на «дядей» и «тетей» – людей, зверей, машины, деревья, то теперь он всюду ищет маму-папу и «синка». «Синок» – это сынок. Мы сначала думали, что щенок. В Дарвиновском музее шкет, глядя на какую-то лисицу с лисенком сказал: «Синок», – и мы начали убеждать его, что это лисенок. Потом поняли. Такое ласковое, трогательное – «синок».

Смотрит на нашу большую икону – Владимирскую Богоматерь: «Это мама и синок...»

Или держит папину вилку и свою, трехзубую, маленькую: «Вилька, а ето ее синок!»

4 года

Два первых дачных лета у Феди была знакомая корова. Ее пас очень славный старик, в прошлом главный зоотехник на ВДНХ. Ему нравился Федька, Федьке нравился он. Коро-

ва тоже всем нравилась и всеми была довольна. Но у старика была больная жена, и сам он прихварывал, а держать корову – дело тяжелое. Он ее продал. Следующим летом коровы уже не было. А ее хозяин шел как-то мимо нашего участка, и у него прихватило сердце. Мы ему вынесли стул, валидолу. Федька ромашку сорвал. Старик сидел, в себя приходил и вдруг сказал – зря корову продал, без нее плохо мне, грустно; она меня держала. А зимой и он умер.

Прошел еще год. Едем от станции, проезжаем мимо переулка, где тот старик жил. Федя, задумчиво:

– Мама, помнишь? каова была? и дедушка? Помнишь? Я не помню, как каову звали.

– Мелодия.

– Да! Мелодия. А сейчас ее уже нет, уже уехала домой. И дедушка уехал.

И еще пару раз повторил: «Мелодия звали».

8 лет

Лето. Крит.

Наша гостиница – в скалистой бухте. После ужина уходим по тропинке к морю, сидим, смотрим. Заката не видно, закат на другом побережье, у нас отзвуки.

Сидим. Ф срывает сухие травинки, шуршит, шелестит.

Я, невольно:

– Оттого и томит меня шорох травы...

Ф, после паузы:

– Ну?

– Что трава пожелтеет и роза увянет.

Еще после паузы:

– Дальше?

– Что твое драгоценное тело, увы,

Полевыми цветами и глиною станет.

Снова пауза. Ф, уже раздраженно:

– Ну, дальше-то?

Дочитываю до конца.

(Георгий Иванов это:

...Даже память исчезнет о нас... И тогда
Оживет под искусными пальцами глина
И впервые плеснет ключевая вода
В золотое, широкое горло кувшина.
И другую, быть может, обнимет другой
На закате, в условленный час, у колодца...
И с плеча обнаженного прах дорогой
Соскользнет и, звеня, на куски разобьется!)

Ф, подумав:

– Но в одном-то он неправ.

– В чем?

– Что память исчезнет. Память-то навсегда, да?

Врать не хочется, с правдой тяжело.

– Если ты о папе, то ему повезло.

– Как?

– Память о нем, скорее всего – независимо от нас – надолго. Какой-нибудь мальчик... или девочка... кому он спас руку или ногу – будет его помнить, будет говорить о нем детям, внукам – может, даже и без имени – просто, что вот был в больнице такой доктор, веселый, ходил в смешном черном костюме с белыми черепушками и в хирургической шапочке с мумми-троллями...

И дальше сидим. Молчим.

8 лет

Едем с Ф в метро и развлекаемся тем, что орем друг другу в ухо всякую ерунду. Вагон полупустой. Вдруг бабушка, сидящая напротив, пересеживается к нам и говорит мне – тоже кричит – на ухо:

– Спасибо вам!

– За что?!

– Я смотрю, как вы с сыном любите друг друга – и радуюсь!

Я бормочу что-то про то, что это так естественно и ничего особенного. Она энергично протестует – есть, мол, есть особенное, потом вдруг тихо – остановка – говорит:

– У меня тоже был сын. А теперь его нет.

И снова садится напротив.

Стараюсь не расплакаться.

Когда выходим с Ф из вагона, он спрашивает:

– О чем эта бабушка тебе говорила?

– Что ей очень приятно было на нас смотреть. Что она смотрела и вспоминала своего сына.

– А он где теперь?

Почему-то говорю:

– Он вырос теперь.

Ф, понимающе:

– Другая жизнь?

– Вроде того...

*Вот я и умер, а ты жива
И чувствуешь-думаешь, что виновата.
Перебираешь, взвешиваешь слова,
Какие сказала и не сказала когда-то.*

*Ты вспоминаешь то, что ты не смогла
Была ночная безвыходная усталость,
Сдавали нервы, потом надежда ушла
И от любви только голая воля осталась.*

*Всё это правда и это неправда совсем
Было дыхание рядом и тело тепло излучало.
Сколько было всего! Пойми тут – за что и зачем,
И как мне теперь поправить тебе одеяло?*

Дмитрий Шноль

Надо сохраниться

3 года

Едем мимо Новодевичьего монастыря. Ф восклицает:
– Сколько цейквей! Смотрите! Целая стая цейквей!

4 года

Новый жанр Ф – «рассказать икону». Есть у него любимые иконы, я коротко объясняла, кто изображен, что за сюжет. Он переварил, и вот выдает рассказы.

Про икону преподобномучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары: «Жили-были две женщины, Елизавета и Валвала. Очень хаашо жили. Но вот п'ишли злые люди и кинули их в глубокую яму. А Бог их спас – п'отянул удочку и вытащил».

Еще рассказывает про Григория Победоносца, про Соловецких святых и про чудо в Кане Галилейской. Из последнего рассказа расслышала только: «И Х'истос сказал им – лейте! лейте, кому говорят!»

* * *

Когда его укладываю, читаю несколько молитв. Он внимательно слушает, что-то подборматывает. И вот, видимо, понял, что молитва – это личное обращение к Богу, когда

можно и своими словами говорить, даже просить чего-то.

– Мама. Попъёси, сътобы ко мне не пьишла злая кьиса (злая крыса – привет «Щелкунчику» и мышинному королю).

– Что?

– Попъёси, сътобы ко мне не пьишла злая кьиса.

Попросила.

– Есё попъёси, сътобы ко мне не пьишла Баба Яга.

Сделано.

– И сътобы злая избуська на куих злых нозьках не пьишла.

И это сделано.

И он продолжает мне «надиктовывать», шепотом, очень серьезно:

– И сътобы злой слон не пьишёл. И сътобы злой песок...

– Кто?

– Песок, песочек такой злой. И сътобы злая бетономесялка не пьишла. И злой бегемот. И злая Алиса. И злые две койобки.

– Коровки?

Повысив голос, недовольно:

– Койобки!!!

– А, коробки...

Снова шепотом:

– И злой такой пожайный...

Ушла – отпустил. Но уже что-то сам нашептывает.

Еще добавлял: «Ни в комим случаи! сътобы ни в комим

случаи не пѣишѣл!»

Через день:

– ... и сътобы пѣишли ко мне добѣие кѣюг, квадѣят и добѣ-
ие две тѣяпеции...

* * *

Вечер, шкет ложится спать. Как обычно перед сном, ли-
стает-смотрит книжки, что-то приговаривает. Но слышу –
интонации очень характерные, будто беседует с кем. Загля-
дываю, а он показывает книжку – иконе. Федоровская ико-
на Богоматери рядом с кроватью у него. Приглядываюсь –
и не книжка это, а каталог Лего. Он иконе страницу из ката-
лога показывает и говорит:

– Видиш, какой поезд? вот такой мне очень нада, очень.
Хаяшо видиш? Видиш – с тѣубой. Очень нада.

5 лет

Приносит мне свой маленький фонарик – в форме именно
фонарика, подвесного, на цепочке – говорит:

– На. Дарю.

– Спасибо! А что мне с ним делать?

– Возьмешь с собой на крестный ход. Будешь идти и раз-
махивать им. Как отец Геннадий своим... – (цокает языком,
вспоминает слово) – ...котелком.

(Кадиллом, то есть)

* * *

Рассматривал иллюстрации в книжке Диккенса про Христа:

– Он же не один там на горе был. Там еще два разбойника были. Слева – злой. А справа бла... благо... – (опять вспоминает слово) – ...благородный! Благородный разбойник, да.

* * *

К Пасхе нарисовал рисунок. Гора, три креста, люди кругом. А сверху – линейка, и кто-то непонятный на ней.

– Федь, а кто это?

– Кто-кто... Отец! На небе сидит. Он сидел, смотрел и знаешь, что делал?

– Что?

– Плакал.

Присматриваюсь – и правда, нарисованы слезы. «Больше глаз».

7 лет

Смотрели иконы в музее критского монастыря Превели. Там есть житийная икона – мученик Порфирий и его разнообразные ужасающие страсти.

Ф, посмотрев, говорит (тон – свежайшая идея):

– Мама! а давай стараться не попасть в ад!

Я, с радостной готовностью – от растерянности:

– А давай!..

* * *

Сделали с Ф рождественский спектакль на коленке. Сцена из коробки от Лего, декорации – рисунки Ф, куклы из картона. Я отвечала за смену задника и персонажей, а Ф озвучивал: «И сказал Иосиф Марии – видишь, вон там пещера? пойдём туда, согреемся, переночуем и там же родим нашего Иисуса». Или: «Ангел явился волхвам – простите, пожалуйста, волхвы, но вы к Ироду лучше не возвращайтесь, он злодей». Я все порывалась вклиниться в озвучку с Пастернаком – стояла, мол, зима, дул ветер из степи, – но Ф меня недовольно прерывал: «Мама, тут пустыня кругом!»

* * *

В одной церкви углядел икону своего святого, Федора Стратилата. Долго рассматривал.

Уже выходя из церкви, задумчиво, серьезно, каким-то былинным зачином:

– Я шатался по многим церквям...

Я немедленно сгибаюсь от хохота, а он невозмутимо про-

должает:

– ... но не везде я видел Федора Стратилата.

* * *

Садится завтракать, откашливается:

– Сейчас я расскажу тебе историю. Из Библии. Слушаешь?

А как же, говорю.

– Хорошо. Так вот. Давид и Гольф!

И тогда же, про Моисея:

– А Египет рабствовал всеми евреями!

6 лет

В Родительскую субботу:

Ф:

– Что, сегодня вспоминают всех, кто умер?

– Да.

– Всех-всех?

– Всех-всех.

– И бабушку Любу?

– Конечно.

– И Багратиона?

9 лет

Спрашивает – когда в церковь пойдем. Я говорю – в воскресенье, коль живы-здоровы будем.

Он:

– Хорошо, потому что я хочу серьезно помолиться.

Спрашиваю – если не секрет, о чем?

Закрыв глаза, скороговоркой выпаливает:

– Чтобы в зимней серии Чтогдекогда победила команда Сиднева, чтобы счет у них был шесть-четыре, чтобы ни у кого лучше не было и чтобы сову вручили Друзю!

11 лет

Уходим утром в церковь, он, с прощальным взмахом руки, говорит бабушке:

– Пока! Отдохни как следует от нас, монотеистов!

13 лет

В церкви переминается с ноги на ногу, мается, всем видом показывает, как несчастен. Нравоучительно шепчу: иди на улицу, я же тебе не запрещаю, но если уж выбрал оставаться тут, так веди себя как должно. Ф притихает, потом шепчет горячо в ответ:

– Я христианин! У меня есть уважение и вера! Но поясница у меня тоже есть!

9 лет

Отец Алексей говорит проповедь, несколько сложную для

детей. Но Ф напряженно вслушивается. Вот отец Алексей несколько раз произносит слово «юдоль». Ф, обернувшись ко мне, просияв лицом – расступилась тьма, показалось знакомое! – шепчет:

– Людовик?!

3 года

Когда в саду утром прощаемся, я ему говорю – храни тебя Бог. А тут забыла почему-то. Он ушел было в группу, а потом вспомнил, бежит, кричит:

– Мама! Я не сохранился же еще!

С кем купить ракету

2,5 года

Федькин друг Гоша – человек исключительно практический, конкретный. А шкет мечтатель и прожектер. Витает мыслями в каких-то неконкретных областях.

Ждем лифта: мы со шкетом и Гоша со своей мамой Олей.

Гоша смотрит вниз и замечает, что у них со шкетом одинаковые ботинки.

– У нас с тобой ботиньки одинакие, – говорит он Феде.

Федя задумчиво смотрит в стенку.

– У нас с тобой ботиньки одинакие! – Гоша трогает Федю за локоть.

Федя выходит из транса и очень уместно отвечает:

– Я дюмаю, сятаны (*фонтаны*) узе включили.

– У нас ботиньки одинакие!!! – Гоша пытается вернуть друга к реальности.

– А зимой сятаны не яботають, потонуса (*потому что*) хооолёдно! – шкет тревожно заглядывает Гоше в глаза, призывая прочувствовать волнующую тему фонтанов.

– У тебя синие и у миня синие!!! – Гоша начинает наступать на Федю, сделав грудь колесом.

– А потом пьидёт дядя, повеинёт кьян, и вода как бьизнеть! как забулит! (*брызнет и забурлит*) ооо! – Федя тоже приходит в нехорошее возбуждение и начинает размахивать

руками.

Мы с Ольгой от хохота ничего не видим и не отслеживаем, как невинный поначалу разговор перерастает в легкую драку.

Всю прогулку они дуются друг на друга, не играют и периодически бурчат что-то. Упорный Гоша – про ботинки. Легкомысленный Федор – про паровозы.

4 года

Ходили с другом Гошей в театр и кафе. Там друзья вели беседу. Интересы у них разные, и раньше они из-за этого дрались. А теперь терпеливо друг друга выслушивают.

Гоша (увлечен динозаврами и разными морскими и речными гадами):

– Федя! а ты знаешь ли, кто такой ручейник?

– Нет, – говорит Федя.

Гоша пять минут рассказывает, кто такой ручейник. Федя дослушивает до конца, кивает (информацию принял) и вступает со своей темой:

– Гоша, а ты знаешь ли, какие наши командиры погибли в Бородинской битве?

– Нет, – добросовестно подумав, отвечает Гоша.

Федя перечисляет:

– Баг'атион, Кутайсов, Тучков первый, Тучков четвертый, а Кутузов нет, живой остался.

И так далее.

13 лет

Едем в машине, Ф и Гошка играют в свою любимую автомобильную игру – данетки, загадывают и отгадывают исторических героев. Гоша устает первым.

Ф:

– Георгий Александрович, позвольте сообщить – я загадал.

– Поздравляю, Федор Денисович, и немедленно сдаюсь.

12 лет

...Среди прочего – спорили, сын кто-то там (не расслышала) Карлу Великому или не сын. Спорили так.

Ф:

– Сын.

Гоша:

– Не сын.

– Сын.

– Не сын.

– Сын.

– Не сын.

– А. Не сын.

Ни одного восклицательного знака!

Потом Ф с трех вопросов угадал Святослава Храброго.

Гоша, склоняя голову (буквально):

– Уважаю. Красавчик.

6 лет

Пьют чай.

Ф, с набитым ртом:

– Гоша, давай мы с тобой будем три мушкетера.

Гоша, отхлебывая чай, невозмутимо:

– Извини, Федя, я не могу. Я буду ученым.

5 лет

Ф и Гоша – такая пара, такая пара: рты приоткрыты, слова невпопад, организованная жизнь идет мимо, а они сидят на детсадовских низеньких своих стульчиках и с блаженными ухмылками ее комментируют.

Пришла преподавательница из соседней музыкальной школы в сад, прослушала Ф, сказала – данные есть, предложила зайти к ней на более серьезное прослушивание. Взяли Гошу за компанию, пошли.

Сначала они брали ноты, пели умильными голосками «ля». Потом их попросили хлопнуть ритм. Гоша, хлопнув пару раз, сказал: «Давайте вот так. Вы хлопаете, а я вам говорю, сколько раз вы хлопнули». Ф тут же влез: «Нет! не так! я говорю циф'у, а вы хлопаете столько раз, сколько я сказал». И они немножко поругались, пока преподавательница не сказала им, что командует тут она. После чего они сразу же стали громко решать, на каком инструменте будут играть. «Я, знаете, все-таки решил... Буду играть

на сиксафоне», – это Гоша, начальственно постукивая пальцами по крышке фортепиано. Ф с готовностью подпрыгивает: «И я, и я на сиксафоне! Вдвоем на сиксафоне! на двух сиксафонах!»

Провалившись по всем фронтам (более всего – по дисциплинарному), вышли из кабинета, а Ф и говорит: «Ну, нам все понятно, только что она все в'емя пела п'о фасоль-осину?»

6 лет

Подравшись, помирившись, смотрят мультфильм. Но все равно – шуршат, пихаются, тыкают друг друга. Гоша явно хочет подраться еще. Ф больше хочет мультфильм и потому говорит нервно, но вежливо:

– Гоша, пожалуйста, не души меня.

* * *

Гоша сделал себе «паспорт» – тетрадочку бумажную, куда записал свое имя и особые приметы: «Глаза: Кари. Настрание: скрытна. Любит: жар. картошка. Адрес: д.9, корпус отсутсвуйт». Ф смотрит, завидует, теперь ждем, чем эта зависть прорастет.

* * *

– Почему я так быстро устаю? почему плакать все время хочется?

Отвечаю – весна, авитаминоз, это раз. А еще очередной кризис – это два.

Он: а что такое кризис?

Рассказала, как могла: что растешь, меняешься, трудно жить с собой-новым, трудно себя пристроить.

Он кивает. А я добавляю – а еще бывает кризис отношений. Когда два человека изменились, им и поодиночке сложно, а уж как вдвоем непросто!

Ф, задумчиво:

– Значит, у меня с Гошей кризис отношений...

Потом спрашивает – и что с кризисом делать? Да ничего, отвечаю, перетерпеть, пережить и постараться не испортить все окончательно.

Покивал.

Это было утром, по дороге в сад. Едва переступив порог группы, поругался с Гошей.

Через пару дней:

– Когда я у бабушки был, я очень по своему Лего скучал. А почему-то сейчас не хочется играть.

Говорю: дело тоже известное, то, к чему привык, начинаешь ценить на расстоянии. Вот ты на дачу когда уезжаешь, я так по тебе скучаю, думаю – какой ты у меня прекрасный, без недостатков.

– А тут? – (глаз хитрый).

– А тут – ты как утром начнешь ныть, что одеваться не хочешь, зарядку не будешь... – (спохватываюсь) – Но люблю я тебя всегда и всякого.

Ф тянет:

– Это-то понятно...

Подходя к саду, сообщает:

– Скажу Гоше, что нам надо перестать разговаривать. Ненадолго. Чтобы мы больше друг друга ценили.

А в группе сразу же снова поругались, чуть не до драки.

Но тем не менее Ф еще через день сказал:

– Знаешь, почему у меня кризис с Гошей? потому что он мой ближайший друг. Остальные – просто друзья.

В саду, на занятии, садиться рядом с ближайшим другом отказался, взял стул и ушел в другой конец комнаты.

11 лет

Гоша приехал в гости на дачу после долгого перерыва. 42 размер ноги, рост 155, вежливая беседа – каждую фразу начинает с «Простите, Аня». Интересуется процессом издания книг. Я, говорю, работаю в жанре фэнтези – вы не знаете, к кому с этим обратиться?

Вечером услышала их разговор.

Ф:

– Мне Наташа с Геной на день рождения подарили сто долларов. Это приблизительно три с половиной тысячи рублей.

Гоша:

– На что тратить будешь?

– Ну, тысячу рублей я отдам, знаешь, в фонд такой. Старичкам. Остается две с половиной.

– А у меня есть пятьсот рублей.

– Значит, вместе у нас три тысячи. Что с ними делать будем?

Долгое молчание. Потом Гоша, задумчиво:

– Может, купим ракету?..

Еще обрывок разговора.

Ф:

– Боюсь, такое у Деда Мороза просить бессмысленно...

Гоша:

– Да. Жаль. Но письмо написать все-таки стоит.

12 лет

Гоша иногда бывает в таком ударе, что и Ф пасует перед ним.

Вот как всегда куда-то едем, они как всегда на заднем сиденье.

Ф, светски:

– Ну, как твой роман?

– Требуется переработки, – серьезно отвечает Гоша. – Я пока решил писать малые тексты, вот как поэма про двух братьев-королей – помните, Аня, я дарил?

А как же, говорю, такое не забудешь: Зандр и Зундр, и кто-то из них отправился «туда, где кончанье земной коры».

Гоша довольно кивает:

– Я эту поэму подарил вам – а еще Деду Морозу.

Ф ахает:

– Кааак?

– Написал ему письмо и к письму приложил. Дорогой Дед Мороз, – написал я ему. Буду очень рад, если ты ответишь, что думаешь про мою поэму.

Ф:

– Иии?!

– И он не ответил. Наверное, я весь год себя плохо вел.

Я говорю: ну что уж ты такого мог сделать, ты ведь исключительно приличный человек.

Гоша, все так же серьезно:

– Да. Приличный. Если забыть сжигание трех рулонов туалетной бумаги в лесу. С помощью спичек и аэрозоля.

Ф хохочет без остановки, а Гоша, держа лицо, продолжает:

– Мне тогда сказали – зачем же жечь? Она для другого. А я сказал – она для использования человеком. И если человек хочет ее использовать так – в чем его вина?

11 лет

На даче, пользуясь тем, что я была занята, Ф и Гоша при помощи пластиковой бутылки, садового шланга (вода под напором) и кубиков Лего запустили космический корабль. Пистолет у шланга сломан, сбито несколько яблок с яблони, конструкторы мокрые.

Потом проверяли, на сколько шагов улетает наполненная водой дырявая лейка.

13 лет

Сидят в машине сонные, молчат.

Ф:

– Гош, ну давай что-нибудь обсуждать? Что хочешь? Давай – церковные реформы Никона?

Гоша, пресыщенно:

– Не хочу.

И, помолчав, уже чуть более оживленно:

– А давай тупо шутить над всеми рекламами по дороге?

14 лет

Гоша снова выбрался к нам в гости, по дороге рассказывал мне про исторический лагерь, откуда только что вернулся.

С очень взрослой интонацией:

– Эх, Аня. Такие типы, такие личности там попадались – ты не поверишь. Например, был у нас там упертый сталинист.

Бывает, говорю.

– И был православный фанатик.

Тоже, говорю, часто встречающееся явление.

– Эх, Аня. Самое-то интересное что? Что обе эти личности были в одном теле!

Эх, Гошечка, говорю, и это бывает, ох как бывает.

На даче мальчишки лентяйничали и смотрели муть по телевизору. Я решила побыть диктатором: еще десять минут, сказала, и марш мусор выносить, потом в магазин, потом еще что-нибудь придумаю. А сама боролась с кратковременным, но острым приступом отчаяния: телевизор, телевизор, вечен, непобедим, мальчишки развращены и зомбированы и т. п. Не дождавшись конца десяти минут, рявкнула: выключаем! мусор!

Вышли, обуваются, продолжая какой-то явно давний и важный разговор. Ф, пыхтя над сандалиями:

– Нет, Гош, я с тобой не согласен. Рассматривая идею, нужно рассматривать только ее суть, не принимая во внимание личности тех, кто ее поддерживает. Иначе дискредитировано вообще все!

Приступ проходит. Эх, Аня.

Сяся Пуськин

Федьке две недели. Мы живем на даче. Все прекрасно, все просто идеально. И вдруг он перестает спать днем. Пищит, бурчит, размахивает руками, обязательно плачет – но не спит.

Мы с мужем почему-то решаем, что его успокоит чтение. Какая-нибудь добрая детская книжка. Какие-нибудь незамысловатые стишки. В памяти всплывают книги из нашего детства: непонятные «Лаповички» (я) и Кончаловская, про Москву (муж). На дачу мы взяли кучу полезных и бесполезных вещей, взяли, например, специальные щипчики для ногтей и соплеотсос. Но не взяли ни одной детской книжки.

«Давай читать наизусть!» – предлагает муж и отступает на заранее подготовленные позиции, в гараж. Федор делает секундный перерыв в своем тихом плаче, я пытаюсь собраться с мыслями. В голову лезет только «Ленин и печник». Ленин, – скромно отвечает. – Ленин? – тут и сел старик... и т. п. Ужасно, что и говорить.

Проходит еще час, Федька не спит. Муж – делать нечего – приносит том Пушкина. У Пушкина ведь есть сказки. Открываем оглавление: так, петушок, старик, старуха, мертвая царевна – все хорошо знакомо... ага! «Сказка о медведице»! и как раз короткая! Муж раскрывает пухлый том

на нужном месте, с выражением начинает читать – и через минуту останавливается: медведица грозит охотнику теми словами, которые в нашей семье условно обозначаются как «чердачно-подвальная лексика». Я негодную, муж вселится («Ай да Пушкин, ай да...»). Делать нечего, принимаемся за «Сказку о царе Салтане».

Уже потом моя мама рассказала, что я в детстве больше других любила именно эту сказку, знала ее наизусть. Мы жили на шестом этаже, лифт часто не работал, я помогала себе преодолевать лестничные пролеты монотонным скандированием: «И ца-рица моло-дая дела вдаль не от-ла-гая с той же ночи поне-сла в те по-ры вой-на бы-ла!» Куда и что понесла царица, я, по-видимому, не задумывалась.

Словом, лето. Дача. Послеобеденная жара. Муж укладывается на диван, Федька ерзает и хнычет у него на животе. Я торжественно начинаю:

– Три девицы под окном...

Первым засыпает муж. Потом, не дождавшись, пока бочка с царицей и Гвидоном благополучно выплывет на берег, начинает ровно и глубоко сопеть Федька. О, чудо! Ах, Александр Сергеевич, долго, долго вы будете любезны народу!

На следующий день – та же история. Федька не спит. Пушкин снова усыпляет его, но мы уже дошли до того, как «на берег вышли гости» (в первый раз) – я почему-то начала читать сказку с начала.

Вечером снова капризы. Пушкин помогает, как хорошее

лекарство. Но доза увеличивается – «...белка песенки поет...» И, непонятно почему, мы все время начинаем с начала.

Вы помните «Сказку о царе Салтане»? На первых двух-трех страницах действие в ней развивается неправдоподобно, сказочно быстро, события идут одно за другим, как волны в том самом океане, который едва не стал могилой для несчастной царицы с ребенком. А потом – тишина, спокойствие и благолепие. Сказочный город, чудо-белка, тридцать три богатыря – каждое событие описывается (одними и теми же словами) по четыре раза.

...На пятый день Федька стал **слушать** сказку. Тихо лежал, искоса смотрел на меня. Молчал, пока я читала. Но стоило мне прекратить чтение или попробовать сменить репертуар – начинал плакать:

– Вот на берег вышли гости, князь Гвидон зовет их в гости... розы-морозы... спи, Феденька, спи, маленький... но ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой... а она-то откуда там взялась?.. жена – не рукавица... это точно... Спи, спи...

Еще немного, и я начала бы «чудесить», как царь Салтан. Но через неделю это кончилось. Федька успокоился, стал хорошо засыпать. Пушкин вернулся на полку.

Еще месяц мне снились строчки из сказки. Потом прошло. Потом нам подарили красивую «Муху-Цокотуху» Чуковского. Там к мухе приходили блошки. Приносили ей сапожки.

Естественно, не простые – в них застёжки золотые.

«Простые-золотые», «простые-золотые» – рифма не даёт покоя, как головная боль. Ну что же, ну где же... А! Конечно!

Достаю Пушкина, усаживаюсь рядом с Федькиной кроватью – и неторопливо, негромко, с наслаждением читаю:

*Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые...*

4 года

На даче. Ф обедает. Стол высоковат – немного, но все же. Прошлым летом мы клали на его табуретку том Горького и том Белинского, было в самый раз. В этом году с Горьким и Белинским – высоко, по отдельности – низко. Делать нечего, взяли Пушкина. И в самый раз.

Перед обедом Ф теперь кричит: «Где мой Пушкин? подложите мне Пушкина!»

2,5 года

Читаю. Подходит шкет:

- Мама, идём!
- Сейчас, дочитаю немного.
- Съто?

Показываю обложку. Шкет понимающе кивает:

– Аня Каеня (Анна Каренина).

Уходит, роется в своих книжках, достает одну, усаживается на пол, листает. Вид – серьезнее не бывает. Не выдерживаю:

– Заинька, а ты что читаешь?

Шкет, подчеркнуто не отрывая взгляда от книги:

– Пуськин.

Замечу в скобках, что этому непринужденному диалогу предшествовали недели две таких разговоров: «Этя тё?» – «Это книжка моя» – «А этя тё?» – «А это на книжке картинка» – «Тётя!» – «Да, тетя нарисована» – «Тётя? Тётя?» – «Ее зовут Анна Каренина» – «Каеня!» и т.д., и т.п., и так по сто раз.

А Пушкина шкет еще называет «Сяся Пуськин».

3 года

Взял «Снежную королеву». Объясняет:

– Это казка пьё Снезную каялеву. Ее написай Аиксандый Сегеевич Пуськин. Там истоия пьё каялеву, такую снежную и такую тайную...

Открываю рот, чтоб поправить, но он убегает.

Чуть позже листал «Щелкунчика», которого, как выяснилось, тоже написал «Аиксандый Сегеевич Пуськин». Я попыталась защитить авторские права Гофмана, на что шкет сообщил (наставительно подняв указательный палец):

– Все! все казки написай Аиксандый Сегеевич Пуськин!

4 года

Посмотрели вчера кусочек балета «Пиковая дама».

А, надо сказать, произведение мы читали. Как-то я ошале-ла от Дюймовочек и Щелкунчиков и сказала, что буду читать только интересное мне. Душа просила Пушкина. И что вы думаете, за три вечера прочитали «Пиковую даму». А ведь я замолкала сразу, как шкет засыпал. Что, любопытно мне, он понимал? – там больше половины слов незнакомые. Наверное, просто слушал, как музыку.

(Для полноты картины. Воодушевленная успехом, на четвертый вечер я взялась за «Барышню-крестьянку». Не успела еще дойти и до приезда Алексея Берестова к отцу, как из кровати раздался хриплый шепот: «Мама... давай пьё Бабу Ягу...»)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.